

Диалектика институционального и спонтанного в социальных системах

© А.Н. Нестеренко

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена проблема соотношения государственного регулирования процессов социального взаимодействия и спонтанного саморегулирования на основе стихийных механизмов в рамках рыночной модели экономики, а также связанное с этим противоречие между частными и общесоциальными интересами, составляющее суть политических отношений современности.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, государство, общество, рынок, регулирование, саморегулирование, экономический кризис.

Последствия мирового социально-экономического кризиса 2008–2009 гг. диктуют необходимость переосмысления возможностей и соотношения механизмов регулирования и саморегулирования в современных социальных системах. Причины возникновения кризиса в США вызваны политикой государства, которое не прибегло к необходимым мерам регулирования рынка (прежде всего, это касается законодательных мер в области ипотечного кредитования). Последующие действия американского государства, связанные с использованием бюджетных средств для минимизации негативных социальных последствий экономического кризиса, привели к неоднозначным последствиям: выясняется, что выгодоприобретателем этого вмешательства стал ограниченный круг аффилированных с властью экономических субъектов [1].

Таким образом, актуальная социальная практика требует ответа на вопросы: когда и в каких пределах государство должно вмешиваться в саморегулируемую рыночную систему и с какой целью? В современном дискурсе на эту тему можно выделить три взаимоисключающие точки зрения:

- сторонников невмешательства государства в экономику;
- тех, кто поддерживает государственное регулирование и считает необходимым ограничить действия стихийных механизмов саморегулирования экономики;
- последователей концепции компромисса между двумя данными моделями, взаимодействие которых должно минимизировать негативные стороны каждой из них в отдельности.

Все три данные парадигмы находят в свою пользу факты, подтверждающие их истинность, но практика не позволяет сделать вы-

вод о том, какая из них наиболее прагматична. Более того, реальные социально-экономические процессы доказывают, что альтернатива между этими моделями ложна. Ее попросту нет.

Отношения рынка и государства реализуются в форме противоречия между саморегулируемым индивидуальным и нормативно регулируемым коллективным. Рыночная экономика, направленная на достижение индивидуальной выгоды, является отрицанием государства, цель которого — достижение выгоды общественной. Таким образом, и спонтанная (рыночная), и нормативно регулируемая (государственная) формы бытия экономических взаимоотношений выступают условием существования друг друга и с необходимостью воспроизводятся в качестве онтологического основания социального, т. е. друг без друга невозможны.

По мнению последовательных сторонников рыночной экономики, для эффективного ее функционирования государство не должно вмешиваться в саморегулируемые социальные процессы, но обязано обеспечить соблюдение всеми участниками социального взаимодействия установленных правил, выполняя функцию правового гаранта, что соответствует установке классического либерализма *laissez-faire*¹. Все остальные индивидуальные и социальные цели спонтанно реализуют рационально взаимодействующие субъекты социальных отношений без вмешательства внешнего регулятора в лице государства. При этом теоретически должны быть реализованы не только частные, но и общесоциальные интересы: индивиды, решающие в качестве производителей и потребителей свои частные задачи, достигнут самокоординации в результате спонтанного порядка («упорядоченной анархии»²), возникающего в результате стремления к минимизации издержек и максимизации прибыли. Связанный с этим рост производительности труда неизбежно приведет к обогащению всех субъектов социального взаимодействия при условии, что государство будет защищать интересы создающих стоимость от тех, кто ее не создает, но пытается присвоить. Поэтому задача государства — создавать равные возможности для экономической инициативы, а не перераспределять богатства от успешных к «неудачникам» под лозунгом достижения социальной справедливости.

В теории свободный рынок — настолько отлаженная система, что не может давать сбои и порождать экономические кризисы. В идеальной модели рыночной экономики перепроизводство, а следовательно, и кризисы, невозможны: предложение автоматически

¹ Принцип невмешательства, обоснованный, в частности, в работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов».

² Термин введен Джеймсом Бьюкененом в работе «Границы свободы. Между анархией и Левиафаном».

порождает соответствующий спрос в силу того, что конечной целью производства является именно потребление (согласно формуле К. Маркса: «деньги — товар — деньги»). Производитель продает свой товар, чтобы купить другой. Таким образом, каждый продавец, в свою очередь, становится покупателем. Чем больше продукции производится, тем больше ее потребляют, т. е. любое увеличение предложения автоматически порождает эквивалентное увеличение расходов и доходов.

Таким образом, гипотетически рынок выступает как абсолютно самодостаточный механизм регулирования социально-экономических процессов, вмешательство в который приводит к его дисфункциям. Следовательно, не цикличность экономических процессов, а именно вмешательство государства, нарушающее естественный ход вещей, является причиной возникновения экономических кризисов.

Еще один аргумент против государственного вмешательства в экономическую сферу связан с тем, что оно приводит к перераспределению собственности. В данном случае сторонники концепции невмешательства исходят из довольно спорного тезиса о том, что в рыночной экономике источником богатства является труд, а не присвоение чужой собственности. При этом предполагается, что обогащение одних ведет и к повышению уровня жизни других, так как эти процессы взаимосвязаны. Если же богатство происходит за счет перераспределения собственности, то это приводит к неизбежной деформации социальных отношений, поскольку труд перестает быть ценностью в социуме, где единственным безусловным источником благосостояния становится власть. Экономика при падении трудовой морали ни при каких условиях не может быть эффективной. Это наглядно показала практика СССР, где так и не удалось добиться конкурентоспособной производительности труда, несмотря на усилия государства. Эксплуатация энтузиазма может принести свои плоды, но его очень быстро сменяет апатия, вызванная перераспределением результатов труда в пользу тех, кто приближен к власти. Личный интерес, который лежит в основе рыночной экономики, как показывает практика социального бытия, оказывается самым благоприятным условием для реализации эффективного социального взаимодействия.

Таким образом, сторонники принципа невмешательства убеждены, что альтернативы ему нет и быть не может. Говоря словами Ф. Хайека: «Надо понять, что мы подчиняемся либо безличным законам рынка, либо диктатуре какой-то группы лиц; третьей возможности нет» [5, с. 127].

Аргументы сторонников государственного регулирования экономики имеют не менее обоснованный характер. Одно из слабых мест концепции невмешательства в саморегулирующуюся систему рыночной экономики — игнорирование того факта, что она, как дока-

зал К. Маркс в «Капитале», с неизбежностью приводит к образованию монополий и устранению конкуренции, т. е. фактически к уничтожению и самого «свободного рынка». Таким образом, рыночная экономика — только в теории самодостаточный механизм, регулирующий сам себя на основе баланса спроса и предложения и стимулирующий конкуренцию, способствуя появлению товаров и услуг с наилучшим соотношением цены и качества. На практике саморегулируемая рыночная экономика стремится к устранению конкуренции и неизбежно приводит к возникновению монополий. Причем монополии возникают не только в результате сговора с целью устранения конкуренции, но и как итог самой конкуренции, приводящей к победе наиболее эффективного собственника.

В этой связи Г. Рормозер пишет: «Рынок связан с принятием решений. Ответственность за ошибочные решения несет именно частный собственник средств производства. Последовательный либерал считает, что логике рынка должно быть подчинено все. Критики данной концепции считают, что есть определенные цели и ценности, которые нельзя отдавать во власть рынка. Если предоставить рынку полную свободу, он убьет и конкуренцию, и сам себя» [4, с. 7].

Таким образом, если рыночная экономика только декларирует равенство шансов, а на практике стремится устранить конкуренцию, то в интересах социума государство должно вмешаться в саморегулируемые экономические процессы, используя такой инструмент регулирования, как антимонопольное законодательство.

Кроме того, мировой экономический кризис 2008–2009 гг. во многом был связан с тем, что основным двигателем рыночной экономики является не производство, а продажа. Рынок диктует: производить следует только то, что можно продать, а лучшим товаром оказывается тот, который можно с выгодой перепродать. В результате оказалось, что рыночной экономикой движут не реальные потребности людей, подчиняющиеся закону спроса и предложения, а стремление к быстрому и легкому обогащению в сфере, не связанной с производством реальных товаров и услуг.

Наиболее эффективный путь достижения этой цели — не реальное производство и коммерческие операции с реальным товаром, а спекуляции на симулякрах: создание финансовых пирамид, операции с ценными бумагами, фьючерсами и т. д. Доходы от вложений в реальный сектор экономики намного ниже, чем прибыль, которую можно извлечь из финансовых спекуляций. Таким образом, сама логика получения максимальной прибыли неизбежно ведет к оттоку капитала из реального сектора экономики в спекулятивный. Эта особенность бытия рыночной экономики обнаружилась уже при ее зарождении, когда первая в мире рыночная экономика буржуазной

Голландии рухнула в результате биржевых спекуляций на луковицах тюльпанов (1634—1637 гг.).

Весьма спорным оказывается и тезис защитников «свободного рынка» о том, что чем богаче отдельный гражданин, тем богаче общество в целом. На практике личные интересы зачастую не только не совпадают с общественными, но и противоречат им. Особую опасность эта тенденция рынка к спекулятивным операциям имеет в глобальной экономике, когда последствия финансовых спекуляций на локальных рынках становятся причиной экономического кризиса в мировых масштабах, что и произошло в 2008 году. Возникает вопрос о справедливости и целесообразности существования такой системы социально-экономических отношений, в которой за негативные последствия эгоистичных устремлений отдельных индивидов вынуждено отвечать общество в целом.

Чтобы этого не происходило, необходимо ограничить спекулятивные устремления и направить капитал в реальный сектор экономики. Легитимно действовать от имени и в интересах всего общества и, следовательно, выступать в качестве внешнего регулятора на современном этапе развития социального бытия может только государство.

Однако, хотя вмешательство внешнего регулятора процессов социального взаимодействия рационально оправдано, оно имманентно содержит в себе угрозу механизмам саморегулирования, посредством которых реализуются социальные свободы. Связано это с тем, что государство, бытие которого объективизируется в форме социального института, помимо общесоциальных, имеет собственные интересы и цели, связанные в том числе с тем, что индивиды, входящие в состав данного института, стараются извлечь из этого максимальную выгоду. В этом качестве государство выступает как средство производства для чиновников, осуществляющих от его имени властные полномочия, конвертируя их в доход от выполнения бюрократических функций. Это, по мнению Э. Ясаи, приводит к тому, что «даже самое альтруистическое государство не может преследовать иные цели, нежели свои собственные» [7, с. 91].

При этом возникает диалектическое противоречие, обусловленное тем, что для достижения своих частно-институциональных целей государство вынуждено служить и интересам всего общества (ибо это и есть его главная функциональная цель в качестве социального института). Например, в Древнем Риме власть вынуждена была давать плебсу хлеб и зрелища, потому что это способствовало сохранению существующего порядка. Для осуществления этой миссии государство стремится к усилению своего экономического господства, которое достигается прежде всего за счет перераспределения сово-

купного общественного продукта. Причем чем больше у государства ресурсов, тем большей властью оно обладает.

По мнению Р. Нозика, использование государства (с оговоркой, что это свойство присуще только «неминимальному» государству³) в регулировании экономических отношений ведет к тому, что отдельные группы (и прежде всего само государство как корпорация) получают конкурентные преимущества. «В неминимальном государстве экономически благополучные граждане стремятся к большей политической власти, потому что могут ее использовать для предоставления самим себе различных экономических привилегий... Нелегитимное использование государства экономическими группами интересов в своих собственных целях основано на предшествующем нелегитимном полномочии государства обогащать одних за счет других» [3, с. 335].

Нозик предлагает лишить государство полномочий раздавать экономические привилегии. Однако он не указывает, каким образом этого можно добиться: и государство, и крупные корпорации, аффилированные с государством, не заинтересованы в том, чтобы изменить исторически сложившуюся систему перераспределения ресурсов. Накопленная в ходе эволюции социального взаимодействия практика преобразований приводила только к воспроизводству данной системы как наиболее удобной для правящей элиты.

Перераспределяя ресурсы в целях поддержки социально незащищенных слоев населения, государство выступает как источник иждивенческих настроений определенных социальных групп, к которым относятся государственные служащие и получатели государственной помощи в виде различных пособий. Такая форма регулирования социального взаимодействия тормозит развитие социальной системы, элиминируя возможности для развития гражданского общества. В социуме растет уровень апатии, происходит деградация механизмов саморегулирования и в конечном итоге теряется «гражданская общность» (*Res Publica*). Именно такой урок преподал человечеству Древний Рим, но, как показывает история, он так и не был усвоен. Объективные условия взаимодействия государства и гражданского общества (экономическую основу которого составляет свободный рынок) на каждом историческом этапе развития социума воспроизводят этатические системы, политическая власть которых основывается на перераспределении ресурсов.

Следует отметить, что государственное регулирование может привести и к прогрессивным социальным преобразованиям. Но это

³ «Неминимальное» государство, в отличие от минимального, выполняющего функцию «ночного сторожа», активно вмешивается в социально-экономические процессы, преследуя собственные цели.

происходит только в случае, если государство авторитарно и может игнорировать электоральные ограничения и социальные обязательства. Примером такого развития является Китай. Очевидно, что выход из экономического кризиса путем отказа от демократии в пользу авторитаризма для многих стран невозможен. К тому же авторитарные режимы гораздо чаще приводят к возникновению экономических проблем, чем к экономическому росту, о чем свидетельствует пример того же Китая времен правления Мао Цзэдуна.

Итак, рационально действующее государство должно перераспределять богатства, так как это является не только основным источником его обогащения, но и условием сохранения власти. Именно поэтому усиление роли государства в экономике зачастую сводится не к реальным структурным изменениям, направленным на повышение ее эффективности, а к переделу собственности. Так это произошло в «деле ЮКОСа» в России, когда под видом деприватизации и возвращения общенародной собственности из частного владения она была изъята у одного собственника в пользу другого. При этом общество, в интересах которого, согласно официальной риторике, проводилась данная кампания, в результате не получило никаких реальных дивидендов. Оценивая подобную практику, Хайек пишет: «Частная монополия почти никогда не бывает полной и уж, во всяком случае, не является вечной или гарантированной от потенциальной конкуренции, в то время как государственная монополия всегда защищена — и от потенциальной конкуренции, и от критики» [6, с. 125].

Хайек видит здесь следующую зависимость: чем больше государство сосредоточивает в своих руках экономическую власть, тем больше оно служит своим собственным интересам, а не интересам общества в целом, т. е. становится «максимальным» государством.

Говоря о дилемме — свободный рынок или государственное регулирование — необходимо отметить и то, что оба этих социальных института имеют пределы и ограничения, за рамками которых они не оказывают влияния на процессы социального взаимодействия. За внешней рациональностью экономического поведения человека обнаруживаются иррациональные мотивы, что наглядно ежедневно демонстрируют биржи, где колебания котировок зависят не только от рационального расчета, но и от эмоций, панических настроений и стадных инстинктов. Более того, современная экономика менее всего регулируется на основе сформулированной К. Марксом в «Капитале» — теории стоимости, которая подразумевает, что обмен осуществляется на основе эквивалентности стоимостей товаров. На самом деле понятие «стоимость» не сводится только к эквиваленту. Ж. Бодрийяр обнаруживает, кроме собственно меновой стоимости, основанной на эквиваленте, существование еще трех различных логик стоимости:

- «функциональной логики потребительской стоимости», базирующейся на полезности;
- «дифференциальной логики стоимости-знака», в основе которой лежат закодированные различия;
- «логики символического обмена», характеризующейся тем, что товары не имеют «никакой потребительской стоимости, ни (экономической) меновой стоимости» [1].

Символический обмен актуализировался как основа социального взаимодействия в рамках общества потребления. Обмениваются уже не товары, имеющие эквивалент, который можно выразить по формуле, открытой К. Марксом (рабочее время + стоимость сырья), а символы статуса и престижа, не имеющие реальной трудовой стоимости. Такой символический обмен априори иррационален, а отношения между символами и их стоимостью непостоянны и изменчивы и напрямую зависят от ценностных ориентаций. Это порождало хрестоматийные коллизии обмена между людьми разных культур, когда аборигены отдавали европейцам земли, меха, драгоценные металлы за стеклянные бусы и зеркала.

Именно потому, что в основе социального и, в частности, экономического поведения человека лежат не только рациональные, но и иррациональные формы общественного сознания — религия, национализм, трудовая этика, которые невозможно контролировать, — ни одна из форм управления экономическими отношениями и процессами социального взаимодействия не позволяет достигнуть оптимального для социума результата.

Противоречие между частным интересом, который выражает рынок, и государством, выступающим от имени всего общества как источник социальных изменений, — неустранимо. Существенным свойством данного противоречия выступает интенция рынка устранить самого себя, уничтожив конкуренцию, и интенция государства — подменить общесоциальные интересы корпоративными. Если обе этих интенции реализовываются, то противоречие между частным и общественным устраняется в пользу государства, которое, сосредоточив в своих руках собственность, будет властвовать, подчинив общесоциальные интересы корпоративным.

Означает ли это, что диалектика общесоциальных и частных интересов в социальном взаимодействии неизбежно приводит к возникновению «максимального государства» и последующему регрессу? Нет, поскольку данное противоречие находит свое разрешение в рамках гражданского общества, которое возникает и развивается в связи с необходимостью реализации групповых, не сводимых ни к индивидуальным, ни к общесоциальным, интересов.

Однако, несмотря на все его недостатки, альтернативы государственному регулированию экономики в настоящее время нет. Но гос-

ударство не должно подменять рыночные механизмы саморегулирования, ограничивая свое вмешательство в экономику корректировкой негативных последствий действия законов рыночной экономики, прежде всего создавая условия для свободной конкуренции. При этом всегда будет существовать угроза, что вмешательство государства в процессы социального взаимодействия будет нацелено не на создание условий для конкуренции, а на минимизацию ее социальных последствий в форме поддержки аутсайдеров («социально незащищенных»), перераспределяя ресурсы в их пользу. В исторической перспективе такая политика может привести к деформации саморегулируемых процессов социального взаимодействия. Именно такие тенденции отчетливо проявляются в странах с развитой экономикой, где перераспределение благ привело к снижению темпов экономического развития и росту социальной напряженности, свидетельством чему стали массовые беспорядки в Великобритании в августе 2011 г.

Означает ли это, что наступит предсказанный О. Шпенглером «Закат Европы», а на обломках западной цивилизации вырастет общество с другой системой ценностей, функционирующее на иных формах регулирования процессов социального взаимодействия? Например, на смену обществу, в котором социальный статус индивида определяется уровнем потребления, придет социум, где он будет определяться уровнем духовного и физического совершенства.

На самом деле западная цивилизация такую систему ценностей выработала и даже пыталась воплотить в жизнь еще в эпоху Средневековья усилиями Доминго де Гусман Гарсеса⁴ и Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне⁵. Но их идеи слишком опередили время, чтобы стать «моральным законом во мне» для большинства и изменить исторический путь цивилизации. И чтобы они вновь стали актуальны и востребованы, человечеству придется пройти через этап общества потребления, чтобы убедиться на практике в экзистенциальной бессмысленности и бесперспективности этого цивилизационного пути⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Москва, Культурная революция, Республика, 2006.
- [2] Кислицын Д. Политика господдержки предприятий в период кризиса 2008–2009 гг.: критерии отнесения к «системообразующим». *Вопросы экономики*, 2013, № 6.

⁴ Святой Доминик, основатель Ордена доминиканцев.

⁵ Святой Франциск Ассизский, основатель Ордена францисканцев.

⁶ Теоретическое осмысление порождаемого обществом потребления экзистенциального тупика проделано Э. Фроммом в работе «Иметь или быть».

- [3] Нозик Р. *Анархия, государство и утопия*. Пер. с англ. Б. Пинскера; Ю. Кузнецов и А. Куряев, ред. Москва, ИРИСЭН, 2008. 424 с.
- [4] Рормозер Г. *Кризис либерализма*. Пер. с нем. Москва, 1996.
- [5] Хайек Ф.А. фон. *Дорога к рабству*. Пер. с англ.; предисл. Н.Я. Петракова. Москва, Экономика, 1992.
- [6] Хайек Ф.А. фон. *Индивидуализм и экономический порядок*. Москва, Изд-граф, 2000.
- [7] Ясаи Энтони, де. *Государство*. Пер. с англ. Г. Покатовича; Ю. Кузнецов, ред. Москва, ИРИСЭН, 2008. 410 с.

Статья поступила в редакцию 10.01.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нестеренко А.Н. Диалектика институционального и спонтанного в социальных системах. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 1. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/socio/hidden/151.html>

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, ассистент кафедры философии факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: rockwool@list.ru